

Нет автора

Русская старина

1900. 10_12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1900. 10_12 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 804 с.

ISBN 978-5-458-02853-0

ISBN 978-5-458-02853-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ исторіи Лицея девятый курсъ (1832—1838) отмѣченъ важнымъ для заведенія событіемъ: увеличеніемъ въ 1832 году комплекта въ немъ учениковъ, черезъ прибавленіе къ бывшимъ дотолѣ 50 казенно-коштнымъ еще такого же числа своекоштныхъ воспитанниковъ, при чемъ весь 6-ти лѣтній курсъ ученія, состоявшій дотолѣ изъ двухъ 3-хъ годовичныхъ классовъ, былъ раздѣленъ на четыре полуторагодовичныхъ класса, отъ I-го младшаго до IV-го старшаго. На первый разъ повелѣно было на вакансіи, открывшіяся въ томъ 1832 году, выпускомъ на службу воспитанниковъ VI-го курса, принять 20 человекъ изъ первой С.-Петербургской гимназіи. Этому-то обстоятельству я и былъ обязанъ тѣмъ, что неожиданно-негаданно вмѣсто Пажескаго корпуса попалъ въ Лицей.

Однажды, въ исходѣ 1832 года, въ одну изъ субботъ, по окончаніи классовъ, передъ роспускомъ учениковъ къ родителямъ, добрыйшій Петръ Ивановичъ Бернардь, директоръ гимназіи, призвавъ меня къ себѣ, спросилъ, не желаю ли я перейти на казенный счетъ въ Царскосельскій лицей. При такомъ вопросѣ я свалился съ неба. До того времени я никогда и не слыхивалъ даже о существованіи какого-то Лицея. Я отвѣчалъ, что самъ я его вопроса рѣшить не могу, а долженъ спросить своего отца. Когда я ему передалъ вопросъ Бернарда, то и онъ пришелъ въ недоумѣніе, не имѣя также никакого понятія о томъ, что за заведеніе былъ этотъ Лицей — доказательство, какъ мало была до того времени распространена извѣстность его. И это было понятно, и легко объясняется какъ малымъ числомъ воспитывавшихся въ немъ, выпусками изъ него лишь разъ въ три года и отдаленностью Царскаго Села отъ столицы, которая еще не соединялась съ нимъ желѣзною дорогой. Чтобы разяснить себѣ, что за заведеніе былъ Лицей, отецъ отправился къ считавшейся съ нами въ родствѣ, или точнѣе—свойствѣ, Авдотѣ Васильевнѣ Волковой, сестрѣ которой — Александръ Павловичъ Волковъ—лицеистъ VI-го курса, именно въ этомъ году былъ выпущенъ изъ заведенія. Волковъ съ такимъ восторгомъ отозвался о Лицеѣ, что нечего было колебаться: выборъ былъ незатруднителенъ между немедленнымъ поступленіемъ на казенный счетъ въ первоклассное учебное заведеніе и пребываніемъ неопредѣленное, можетъ быть, долгое время на спискѣ кандидатовъ въ Пажескій корпусъ, съ очень невѣрною надеждою — дожидаться своей очереди поступленіемъ туда до истеченія положеннаго предѣльнаго возраста. Итакъ, простившись съ мыслию о

Офросимова на углу Царицынъ луга, противъ Конюшеннаго моста. Пансіонъ раздѣлялся на три класса, и я, какъ достаточно подготовленный, былъ принятъ въ средній классъ. Все преподаваніе въ пансіонѣ шло на французскомъ языкѣ; тутъ началъ я учиться по-латыни.

военной службѣ, выбросивъ изъ головы мечту гарцовать когда-нибудь на конѣ въ гусарскомъ ментикѣ, какъ гарцовалъ въ свое время мой отецъ, — я принесъ директору Бернарду отвѣтъ мой и моего отца о желаніи перевода въ Лицей.

Вслѣдъ затѣмъ всѣхъ учениковъ, признанныхъ достойными поступленія въ Лицей, отдѣлили отъ прочихъ гимназистовъ въ ожиданія отправления въ Царское Село, и наконецъ 6-го октября 1832 года въ нѣсколькихъ каретахъ доставили въ Лицей. Этотъ день, составившій собою рѣшительный переломъ во всей моей судьбѣ, остался крѣпко въ моей памяти на всю жизнь. О томъ, какъ начальство Лицея нашло этихъ новобранцевъ, рѣчь будетъ потомъ.

Не вдаваясь въ хронологическій разсказъ о шестилѣтнѣмъ пребываніи IX курса въ Лицеѣ, ограничусь сообщеніемъ только тѣхъ фактовъ, которыми болѣе или менѣе характеризуется съ разныхъ сторонъ внутренній бытъ тогдашняго Лицея.

Въ мое время, несмотря на то, что съ 1817 года—года Пушкинскаго выпуска—въ стѣнахъ Лицея смѣнилось семь курсовъ воспитанниковъ, и что многое въ немъ измѣнилось съ той поры, какъ, по выраженію Я. К. Грота, желѣзная рука Аракчеева исторгла Лицей въ 1822 г. изъ министерства просвѣщенія и отдала его подъ военную опеку, еще сохранялись воспоминанія и преданія о первыхъ годахъ жизни заведенія, о порядкахъ, тогда существовавшихъ, о лицахъ, которымъ довелось играть тогда наиболѣе выдающіяся роли. Проводниками и хранителями такихъ воспоминаній служили доживавшіе при насъ свой вѣкъ живые свидѣтели того времени: гувернеръ и учитель чистописанія Фотій Петровичъ Калиничъ, гувернеръ и учитель расованія Сергій Гавриловичъ Чириковъ, врачъ при больницѣ Францъ Осиповичъ Пешель, преподаватели математики Яковъ Ивановичъ Карцовъ и исторіи—Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ; всѣ они вступили въ Лицей при самомъ его открытіи (1811 г.). Они охотно вспоминали при случаѣ о «золотомъ вѣкѣ» Лицея, такъ какъ это были для нихъ столь дорогія для всякаго человѣка воспоминанія о времени ихъ собственной молодости, а мы всегда съ жадностію слушали ихъ разсказы о Пушкинѣ и его товарищахъ. Теперь приходится только пожалѣть, что я тогда не вздумалъ записывать ихъ разсказы. Помню только, что ихъ воспоминанія всего болѣе оживлялись, когда рѣчь заходила о Пушкинѣ, а затѣмъ о Вальховскомъ и кн. Горчаковѣ; эти имена видимо заслоняли въ ихъ памяти личность прочихъ ихъ товарищей.

Въ Лицейскомъ саду еще сохранялись: деревянная бесѣдка, подъ названіемъ грибокъ, и дерновый памятникъ, съ мраморною доскою и надписью *genio loci*, — устроенные по преданію Е. А. Энгельгардтомъ и служившіе часто поводомъ для воспоминаній о незабвенномъ

директорѣ-воспитателѣ перваго поколѣнія лицействовъ. У всѣхъ у насъ были списки «Прощальной лицейской пѣсни» барона Дельвига и рукописные списки (тогда печатныхъ еще не было) всѣхъ воспитанниковъ первыхъ лицейскихъ выпусковъ. Наконецъ, продолжая традицію, сохранявшуюся въ бывшихъ до насъ курсахъ, мы считали своимъ долгомъ въ память о Пушкинѣ заниматься, въ IV-мъ, старшемъ классѣ, литературнымъ писательствомъ. Именно, это было какъ бы только исполненіе долга, такъ какъ между нами не только не было ни одного поэта, но даже не было ни одного стихотворца по призванію. Одинъ только А. Н. Яхонтовъ кропалъ въ стихахъ небольшія пьески антологическаго пошиба, въ которыхъ по крайней мѣрѣ были соблюдены требованія метрики; онъ, кажется, потомъ, послѣ выхода изъ Лицея, являлся и въ печати съ небольшими, довольно складными стихотвореніями. Зато другой нашъ литераторъ А. И. Трофимовъ никакъ не могъ никогда сладить ни съ римою, ни съ правилами стихосложенія и писалъ стихи, что называется *à la diable*. Впослѣдствіи онъ, кажется, пробовалъ себя, столь же малоуспѣшно, въ драматическомъ родѣ и былъ авторомъ, помнится, двухъ водевилчиковъ, игравшихъ на Александринской сценѣ. Я былъ редакторомъ или центромъ нашихъ литературныхъ упражненій и составилъ родъ журнала или альманаха, подъ заглавіемъ «Денница», въ которой помѣстилъ нѣсколько и своихъ риемованныхъ строкъ. Все это было не болѣе какъ самая невинная юношеская забава, вызванная однимъ лишь духомъ подражанія, такъ какъ «мы слышали, что прежде музы здѣсь жилали». Но въ глазахъ начальства эта забава имѣла характеръ дѣла запрещеннаго. На всякое внѣклассное сочинительство, не руководимое самими профессорами, — смотрѣли неблагосклонно и даже подозрительно. Поэтому приходилось съ нашими литературными шедеврами прятаться отъ начальства и намъ какъ-то удалось нѣсколько времени спастись отъ поисковъ инспектора изготовленный нами томикъ «Денницы»; а это было очень не легко. Инспекторъ А. Ф. Оболенскій зорко слѣдилъ за нашимъ поведеніемъ и неустанно наблюдалъ, чтобы у насъ не завелось какихъ-нибудь запрещенныхъ книгъ или рукописныхъ списковъ нецензурныхъ и бывшихъ подъ интердиктомъ стиховъ Пушкина, которые въ то время составляли не рѣдкость и могли находиться въ рукахъ воспитанниковъ въ видѣ лицейской традиціи. Даже и на наши въ полномъ смыслѣ невинныя литературныя упражненія онъ косо смотрѣлъ не потому, чтобы видѣлъ въ нихъ нежелательное для насъ отвлеченіе отъ ученія, а конечно болѣе потому, что при скрытности, въ какую они облекались, онъ въ правѣ былъ опасаться, чтобы наше преждевременное творчество не впало въ нецензурное направленіе, а еще того хуже — въ сатирическій жанръ, такъ процвѣтавшій въ Пушкинскомъ Лицеѣ и породившій массу злыхъ, а подъ часъ и мало при-

личныхъ эпиграммъ на начальниковъ и наставниковъ. Свой нравственный надзоръ за нами Оболенскій производилъ такъ: намъ было запрещено имѣть у себя какіе-либо ящики или шкатулки, запирающіяся на ключъ; для храненія книгъ, тетрадей и другихъ учебныхъ принадлежностей у насъ были устроены открытыя полки, раздѣленные на столько отдѣленій, сколько было учениковъ въ классѣ, и надъ каждымъ отдѣленіемъ была прибита металлическая дощечка съ именемъ ученика, которому она была для этого отведена; точно также шопитры въ залахъ, назначенныхъ для занятій по приготовленію къ лекціямъ, закрывались крышками безъ замковъ. Вечеромъ, когда воспитанники уходили въ дортуары, расположенные въ четвергомъ этажѣ, Оболенскій обходилъ учебныя комнаты и на просторѣ перлюстрировалъ все, что было у каждаго ученика въ числѣ книгъ, тетрадей и бумагъ, въ означенныхъ помѣщеніяхъ, и такимъ образомъ проникалъ, такъ сказать, въ самую душу питомцевъ. Но, не довольствуясь этимъ, онъ прибѣгалъ еще и къ другому средству, менѣе одобряемому здравой педагогикой, а именно къ шпионству. Въ третьемъ этажѣ была одна комната, называвшаяся цейхгаузомъ и служившая мѣстомъ храненія бѣлья, платья и всей аммуниціи воспитанниковъ; тутъ же былъ и особый кабинетъ Оболенскаго, который въ случаѣ надобности призывалъ сюда того или другаго воспитанника, котораго считалъ особенно для этого пригоднымъ, для допроса или разспроса относительно кого-нибудь изъ его товарищей, и самъ вызывалъ этимъ на доносы. Мы знали объ этихъ инквизиціонныхъ приемахъ инспектора и за это не любили его, равно какъ и тѣхъ избранныхъ имъ товарищей, которые служили для него лазутчиками. Черезъ такіе разспросы въ цейхгаузѣ, Оболенскій провѣдалъ о нашихъ литературныхъ подвигахъ и о «Денницѣ», но, какъ ни шарилъ по ночамъ въ нашихъ бумагахъ, не могъ наложить руку на искомый *coquis delicti*. Тогда онъ призывалъ воспитанника, котораго онъ обыкновенно допрашивалъ въ подобныхъ случаяхъ, и настойчиво потребовалъ отъ него выдачи «Денницы», которая такимъ образомъ и была конфискована, а я, какъ переписывавшій ее своею рукою, подвергся уменьшенію мѣсячнаго балла за поведеніе. Тѣмъ и кончилась вся наша игра въ сочинительство въ честь Пушкина.

Нашъ, IX-й, курсъ былъ связанъ съ первобытнымъ Лицеємъ не одними преданіями и воспоминаніями о немъ; болѣе существеннымъ связующимъ звеномъ служили уцѣлѣвшіе еще до насъ остатки учебнаго персонала, столь своеобразно набраннаго въ 1811—1815 годахъ для Лицея. Такими остатками были: Карцовъ, Кайдановъ, Георгіевскій, Оболенскій и Шульгинъ. Всѣ они происходили изъ духовнаго званія, учились въ разныхъ семинаріяхъ, изъ которыхъ были переведены въ Петербургскій педагогическій институтъ, а изъ него еще студентами

взяты въ Лицеѣ, и такимъ образомъ стали наставниками и учителями юношей, приготавливаемымъ къ «важнымъ частямъ службы государственной». Все это были люди очень молодые, отъ 20 до 29 лѣтъ¹⁾, нигдѣ до того времени не преподававшіе, не имѣвшіе поэтому ни опытности, ни навыка въ дѣлѣ преподаванія, къ тому же не имѣвшіе никакой специальности и потому легко переходившіе, въ качествѣ учителей, съ одного предмета на другой, смотря по тому, по какому предмету открывалась вакансія. Они постепенно носили званіе, сперва адъюнктовъ, а потомъ профессоровъ, но это были званія собственной Лицейской интронизаціи, которыя не состояли ни въ какой связи съ учеными степенями магистра и доктора. Профессорами назывались занимавшіе штатныя профессорскія кафедры; адъюнктъ, получая въ случаѣ вакансіи одну изъ такихъ кафедръ, становился черезъ то самое профессоромъ.

Такъ, Андрей Филипповичъ Оболенскій, поступившій въ 1816 году изъ студентовъ Педагогическаго института гувернеромъ въ Лицейскій пансіонъ, обучалъ тамъ сперва латиному языку и ариметику, а въ Лицеѣ преподавалъ въ младшемъ возрастѣ, между прочимъ и въ нашемъ IX-мъ курсѣ, психологію по учебнику Фриса, логику и нравственную философію по учебнику Герлаха; потомъ, подвигаясь постепенно по лѣтствицѣ учебной іерархіи, кончилъ тѣмъ, что уже въ званіи профессора—читалъ гражданскіе законы, финансовое право и законы благоустройства и благочинія.

Такъ, Иванъ Петровичъ Шульгинъ, 19-ти лѣтнимъ юношей, былъ назначенъ изъ студентовъ Педагогическаго института гувернеромъ и учителемъ исторіи и географіи въ младшемъ возрастѣ Лицея, затѣмъ постепенно въ званіи адъюнкта и наконецъ профессора преподавалъ въ старшемъ возрастѣ исторію, географію и статистику.

Точно также Петръ Егоровичъ Георгіевскій, поступивъ въ Лицеѣ въ 1815 году изъ студентовъ Педагогическаго института, куда былъ переведенъ изъ Калужской семинаріи, началъ съ того, что былъ гувернеромъ и репетиторомъ, прошелъ затѣмъ черезъ степени адъюнкта и профессора, занимаясь преподаваніемъ латинскаго языка и словесности, русской грамматики, риторики, теоріи слога, прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, теоріи изящныхъ искусствъ, піитики и теоріи краснорѣчія. Долговременное преподаваніе этихъ мудреныхъ наукъ доставило ему наконецъ званіе заслуженнаго профессора.

Два остальные—Яковъ Ивановичъ Карцовъ и Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ были по окончаніи Педагогическаго института посылаемы

¹⁾ Изъ нихъ приняты въ 1811 г. Кайдановъ былъ 29 лѣтъ, Карцовъ—28 лѣтъ, приняты въ 1815 и 1816 году Шульгинъ былъ 19 лѣтъ, Георгіевскій—23 лѣтъ, Оболенскій—25 лѣтъ.

для усовершенствованія своего—первый—въ математическихъ наукахъ, а второй по наукамъ историческимъ, въ германскіе университеты. Карцовъ кромѣ того слушалъ еще лекціи въ Парижѣ въ Collège de France. Въ Лицеѣ они преподавали: Карцовъ разныя части математики и физику, а Кайдановъ, кромѣ русской и всеобщей исторіи, въ первое время своего пребыванія въ Лицеѣ преподавалъ географію и статистику.

Таковы были, въ учебномъ персоналѣ, уцѣлѣвшіе до насъ остатки отъ Пушкинскаго времени, съ тою разницею, что въ то время они сами были еще новички въ дѣлѣ преподаванія, а теперь въ теченіе прошедшихъ съ той поры 20 или 25 лѣтъ сами къ дѣлу попривыкли, повзучились, по правилу *do cendo discimus*. Всѣ они старательно исполняли порученное имъ дѣло, добросовѣстно трудились надъ нашимъ образованіемъ, но конечно могли дѣйствовать только въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ ихъ собственнымъ образованіемъ и талантомъ, поэтому и вліяніе ихъ на воспитанниковъ было очень различно.

Карцовъ, страдая болѣзненною тучностью, былъ въ то время уже что называется человѣкомъ отжившимъ; малѣйшее движеніе было ему въ тягость; прошла и его разговорчивость, уже не было проявленій его остраго и язвительнаго ума, о которомъ говоритъ М. А. Корфъ. Читанный имъ у насъ, въ III-мъ классѣ, курсъ математики былъ уже его лебединою пѣснью; онъ умеръ въ 1836 году. Кажется, онъ былъ болѣе физикъ, чѣмъ математикъ, которую онъ преподавалъ какъ бы нехотя. Предметомъ его, слѣдуя отчасти Лицейскому преданію, мы мало интересовались, такъ какъ въ III-мъ классѣ уже начинались наши занятія по историко-политическимъ наукамъ, болѣе для насъ нужнымъ, и на которыхъ поэтому и сосредоточивалось наше вниманіе. Продолжателемъ Карцова по кафедрѣ математики и физики былъ Николай Тихоновичъ Щегловъ—у него желавшіе могли достаточно ознакомиться съ этими предметами, но къ сожалѣнію лишь въ томъ очень небольшомъ объемѣ, какой имъ былъ отведенъ въ общемъ учебномъ Лицейскомъ планѣ.

Георгіевскій читалъ предметы, которые могли бы быть интересны и намъ полезны, но только подъ однимъ условіемъ: чтобы они были трактованы съ большимъ талантомъ. Лекціямъ его, страдавшимъ сухостью и даже какою-то схоластичностью изложенія, недоставало того, что можетъ быть плодомъ только работы собственной мысли, оплодотворенной непосредственнымъ знакомствомъ съ подлинными произведеніями европейскихъ литературъ, и не можетъ быть получено компилятивной работой надъ готовыми учебниками. Поэтому лекціи его для насъ могли быть только упражненіемъ одной памяти, изъ которой, къ счастью нашему, ненужныя намъ вещи легко испаряются. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляли занятія наши у Георгіевскаго по предмету Рим-

ской Литературы, которыя были для насъ интересны, и мы усердно читали и разбирали подъ его руководствомъ латинскихъ авторовъ, начиная съ Федра и Корнеція Непота, продолжая Юліемъ Цезаремъ и Саллюстіемъ, и кончая Виргиліемъ и Гораціемъ.

Почти то же должно сказать и о лекціяхъ Кайданова. Казалось бы, что для юношей, приготовляемыхъ «для важныхъ частей службы государственной», т. е., говоря проще — для государственной дѣятельности, исторія—эта «наставница царей»—должна была бы составлять краеугольный камень образованія. А она-то, по ироніи судьбы, и составляла самую слабую сторону Лицейскаго обученія. Кайдановъ извѣстенъ по всей Россіи безчисленнымъ множествомъ изданныхъ имъ учебниковъ по всеобщей и русской исторіи, которые онъ разнообразилъ до безконечности, выпуская въ свѣтъ то небольшія книжицы, то болѣе объемистыя, издавая одни и тѣ же учебники въ постепенно измѣняемыхъ новыхъ изданіяхъ, которые и въ этихъ новыхъ изданіяхъ были столь же бѣдны содержаніемъ, какъ и въ предшествовавшихъ. Не знаю, какъ читалъ онъ въ прежде насъ бывшихъ курсахъ; по свидѣтельству М. А. Корфа и Я. К. Грота, устные лекціи его были удовлетворительнѣе его учебниковъ; но никакъ нельзя того же сказать о преподаваніи его въ нашемъ IX-мъ курсѣ. Было ли то дѣйствіемъ старости ¹⁾, утомленія ли отъ пройденнаго жизненнаго пути, или слѣдствіемъ житейской мудрости малоросса, который, какъ умный человѣкъ, долженъ былъ сознавать, что у насъ въ то время могла существовать только исторія *in usum delphini*, но только и устное преподаваніе Кайданова служило столь же мало, какъ и его учебники, къ разъясненію смысла событій, изъ которыхъ складается всякая исторія. Къ тому же иногда Кайдановъ приносилъ съ собою на кафедру листы приготовляемаго имъ новаго изданія его учебника и читалъ лекцію по книгѣ, которая у насъ всѣхъ была въ рукахъ, лишь кое-гдѣ вставляя изустно кое-какія замѣчанія и размышленія, не особенно полновѣсныя по содержанію. Это походило на того нѣмецкаго профессора, у котораго въ конспектѣ, служившемъ ему при чтеніи лекцій, было на поляхъ отмѣчено: *hier phlege ich ein Witz zu machen*.— Вотъ для примѣра, какими изустными вставками пополнялъ Кайдановъ свои чтенія изъ учебника: говоря о реформаціи, онъ замѣчалъ:—«долго заряжалась въ Германіи пушка, пришелъ Лютеръ и выпалилъ, пафъ! вотъ это и есть реформація».

Лекціи Оболенскаго были хорошо приурочены къ степени познанія и развитія его слушателей. Рѣчь его была строго обдуманною, явною и ровною, она всегда была полна содержанія. Его лекціи

¹⁾ Кайдановъ, послѣ 30 лѣтней службы въ Лицеѣ, вышелъ въ отставку въ 1841, и умеръ въ 1843 году.

психологи и нравственной философіи слушались нами внимательно и охотно. Самъ Оболенскій не внушалъ къ себѣ особенной симпатіи нашей, онъ всегда смотрѣлъ нѣсколько исподлобья, никогда не улыбался, но былъ добрый человекъ, и будучи, въ качествѣ инспектора, главнымъ наблюдателемъ за нравственностью воспитанниковъ, исполнялъ эту обязанность старательно, но съ употребленіемъ мало симпатичныхъ средствъ: тайнаго осмотра нашихъ книгъ и тетрадей, и шпионства черезъ воспитанниковъ.

Иванъ Петровичъ Шульгинъ былъ наиболѣе любимымъ нашимъ профессоромъ. Человекъ съ прямымъ, открытымъ характеромъ, онъ невольно располагалъ къ себѣ; въ своихъ сношеніяхъ съ воспитанниками проявлялъ душевную пріятельность и сердечное радушіе: Онъ былъ замѣчательно уменъ, талантливъ и, любя свой предметъ и хорошо владея имъ, всегда умѣлъ оживлять свое изложеніе не риторическими фразами, а талантливой группировкой фактовъ. Его лекціи были въ числѣ тѣхъ, которыя наиболѣе врѣзывались въ память и обогащали понятія слушателей. Онъ у насъ читалъ въ 3-мъ классѣ физическую географію и историческую топографію Россіи. Эта послѣдняя была кажется и его любимымъ предметомъ, и была имъ обработана какъ самостоятельный его трудъ. Въ ней между прочимъ нашли себѣ мѣсто живо начертанныя картины изъ исторіи нашихъ удѣльныхъ княжествъ, столь важной для объясненія топографіи Россіи. Не знаю, готовился ли онъ къ каждой лекціи, но читалъ ее всегда свободнымъ словомъ (*als freier Vortrag*), не имѣя передъ собою никакихъ записокъ, и я, увлекаясь столько же предметомъ, сколько и изяществомъ изложенія его, усердно записывалъ за нимъ, а такъ какъ Шульгинъ говорилъ очень внятно, не торопясь, мѣрною и плавною рѣчью, то я вскорѣ достигъ такой быстроты письма, что безъ помощи какой-либо стенографіи заносилъ на бумагу, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, почти словами его всю лекцію; но я и самъ могъ разбирать свои каракули лишь при помощи памяти, только вскорѣ послѣ лекціи, и поэтому безотлагательно переписывалъ ихъ потомъ четкимъ почеркомъ. Мои записки по означеннымъ двумъ предметамъ, составленныя очень старательно, по окончаніи нами 3-го класса, выпросилъ у меня самъ Шульгинъ и благодарилъ за нихъ слѣдующею запискою:

«Благодаря васъ за вашъ трудъ усердный и добросовѣстно-заботливый, я прошу васъ быть истолкователемъ и моихъ чувствъ и надеждъ моихъ передъ вашими любезными товарищами. Не скрою, что мнѣ прискорбно было бы, если бы наша лебединая пѣснь ¹⁾ пропѣта

¹⁾ Окончивъ 3-й классъ, мы разставались съ Шульгинымъ, такъ какъ въ 4-мъ классѣ онъ уже не читалъ.

была не такъ хорошо, какъ я этого желаю и—ожидаю. Пусть я возьму съ собою самыя пріятныя объ васъ воспоминанія и радушно сохраню ихъ; пусть и вы, мои добрые друзья, иногда помянете, что бесѣды наши были для васъ не безъ пользы, такъ какъ онѣ для меня были не безъ утѣшенія. Передайте это все г.г. воспитанникамъ 4-го класса и увѣрьте ихъ, такъ какъ я васъ увѣряю въ моемъ душевномъ ко всѣмъ вамъ расположеніи. Весь вашъ, И. Шульгинъ 28 ноября 1836 г.»

Шульгинъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ; всякій, кто прослушалъ его курсъ, не можетъ не сохранить о немъ благодарнаго воспоминанія.

Лекціи о французской словесности читалъ намъ, на французскомъ языкѣ, старикъ Реми Жилле, одинъ изъ тѣхъ французовъ, которыхъ въ такомъ множествѣ выкинули тогда на русскій берегъ волны французской революціи, и которые у насъ такъ легко получали мѣста воспитателей русскаго юношества. Получивъ какъ-то отъ Харьковскаго университета, въ 1810 г., когда ему было 45 л. отъ роду, докторскій дипломъ, — онъ съ нимъ вступилъ въ русскую службу по Лѣсному департаменту, а во время отечественной войны продолжалъ службу по военному вѣдомству въ 3-мъ округѣ внутренняго ополченія по квартирмейстерской части. По окончаніи войны 1812 года Жилле занялся воспитаніемъ русскаго юношества, былъ гувернеромъ въ знатныхъ домахъ (тамбовскаго помѣщика Загряжскаго, графа Бутурлина и др.) и попалъ въ профессора французской словесности по личному знакомству съ своимъ землякомъ, первымъ директоромъ Ришельевскаго Лицея, французскимъ аббатомъ Николею. Старикъ Жилле было поручено въ 1818 или 1819 г. отвезти молодыхъ князей Дмитрія и Григорія Петровичей Волконскихъ изъ Петербурга въ Одессу для опредѣленія ихъ въ открытый тамъ въ 1817 году Лицей. Тутъ Николай взялъ его сперва себѣ въ помощника, а потомъ добровольно отказался отъ мѣста директора Лицея, и сдалъ его сполна г-ну Жилле, который однако во время своего директорства такъ запутался въ дѣлахъ по хозяйственной части Лицея, по которымъ оказалось на него начета до 40.000 р., что дѣло кончилось бы для него плохо, еслибы не нашелся благодѣтель, внесшій за него эту сумму ¹⁾. Пробывъ затѣмъ 7 лѣтъ въ отставкѣ, онъ наконецъ

¹⁾ О немъ въ запискахъ графа М. Д. Бутурлина въ „Русск. Архивѣ“ 1897, № 2, стр. 243; № 3, стр. 409 и 440, № 5, стр. 13.—По разсказу графа Бутурлина, въ 1814 году, по окончаніи войны, г-ну Жилле поручено былъ вести обратно на родину команду башкирцевъ и калмыковъ (которыхъ французы звали „les Amours du Nord“, по ихъ вооруженію луками), и куріозно было видѣть французскаго полу-маркиза, плоховато говорившаго по-русски, начальствующимъ надъ толпою дикихъ азіатовъ, тоже едва говорившихъ по-русски.

въ 1829 г., на 64 году своей жизни, получилъ впервые мѣсто по ученой части: именно профессорскую кафедру въ Главномъ педагогическомъ институтѣ. Такое запоздалое обращеніе къ наукѣ облегчалось для него тѣмъ, что во французской литературѣ въ то время не было недостатка въ хорошихъ учебникахъ и литературныхъ пособіяхъ, и онъ не дурно справлялся со своимъ предметомъ при помощи всѣмъ извѣстныхъ трудовъ Лагарпа, Вильмена, Баранта, Гизо и др. Конечно, мы съ большою пользою могли бы и безъ него читать эти книги въ подлинникѣ, вмѣсто затверживанія его выборовъ изъ нихъ; но хорошо было по крайней мѣрѣ то, что его курсъ, мало насъ интересовавшій, былъ не объемистъ и слѣдовательно не отнималъ у насъ много времени, нужнаго для болѣе важныхъ для насъ предметовъ.

Почти то же можно сказать о лекціяхъ, читанныхъ намъ на нѣмецкомъ языкѣ Францемъ Адамовичемъ де-Олива по нѣмецкой словесности. Этотъ лекторъ, австрійскій уроженецъ, выписанный въ 1821 году для Лицея княземъ Голицынымъ, былъ настоящимъ типомъ нѣмецкаго ученаго и профессора, и лекціи его могли бы вѣроятно быть полезны тѣмъ, кто былъ бы уже хоть нѣсколько знакомъ, изъ собственнаго чтенія, съ лучшими и главными произведеніями нѣмецкой литературы. При отсутствіи у насъ такого знакомства и при томъ обстоятельствѣ, что часть изъ его слушателей даже плохо понимали по-нѣмецки, лекціи его были для насъ, скажу откровенно, простою тратой времени. Къ счастью, курсъ его былъ еще короче, чѣмъ курсъ его французскаго коллеги.

Изученіе юридическихъ наукъ въ Лицеѣ начиналось съ III класса подъ руководствомъ профессора барона Егора Васильевича Врангеля. Это былъ вполнѣ ученый юристъ и опытный профессоръ; учился въ заграничныхъ университетахъ (Генскомъ и Вюрцбургскомъ), былъ профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, въ которомъ пользовался большимъ уваженіемъ, но изъ котораго былъ удаленъ реформами, послѣдовавшими по представленію пресловутаго Магницкаго. Поступивъ въ Лицеѣ въ 1820 году, на мѣсто уволеннаго отъ службы по министерству просвѣщенія даровитаго Куницына, онъ вышелъ въ отставку въ 1837 году, такъ что читанный имъ намъ курсъ римскаго права и исторіи русскаго законодательства былъ его лебединою пѣснью въ Лицеѣ. Преподаваніе его происходило по запискамъ, очень дѣльно имъ составленнымъ, и которыя онъ на лекціи пополнялъ изустными объясненіями, а изложеніе римскаго права дополнялось еще чтеніемъ *Sorgis juris*. При всей сухости этихъ предметовъ, Врангель умѣлъ дѣловитостью изложенія возбуждать въ насъ интересъ къ нимъ, и его лекціи, конечно, принадлежали къ числу тѣхъ, которыя принесли намъ наиболѣе пользы. Но нельзя того же сказать о лекціяхъ его продолжателя, профессора Петербургскаго университета Якова Ивановича Баршева,